

1947 г., публикуется «Искусство Новгорода», год спустя заканчивается издание двухтомной «Истории византийской живописи», а в 1956—1959 гг. увидели свет давно подготовленные к печати два тома его исследования «Происхождение итальянского Возрождения».

В это первое послевоенное десятилетие при всем энциклопедическом разнообразии книг и статей в творческой деятельности Б. Н. Лазарева преобладает горячее увлечение древнерусским искусством. За книгой о Новгороде последовали три тома академической «Истории русского искусства (1953—1955), в которых он изложил всю историю древнерусской живописи и пластики с XI по XV в. Позже этот монументальный цикл дополнили монография о Феофане Греке (1961), написанная еще в конце войны, две монографии о Рублеве (1960, 1966), к творчеству которого он возвращается вновь и вновь, развернутые исследования о фресках Старой Ладogi (1960), о мозаиках Софии Киевской (1960) и Михайловских мозаиках (1966).

Работа над новой историей древнерусской живописи теснейшим образом переплеталась в послевоенные годы с дальнейшими исследованиями в области византийской живописи. Эти занятия нашли отражение в статьях В. Н. Лазарева и его докладах на двух международных конгрессах по византиноведению (1955, 1961). Возникла необходимость в новом обобщении всего сделанного им и другими учеными по изучению византийской живописи, и В. Н. Лазарев расширяет и перерабатывает свою «Историю византийской живописи», подготовив ее для второго издания.

Как ни велико значение всех этих итоговых трудов В. Н. Лазарева в трех различных областях истории искусства, ученый не останавливается на достигнутом. Многие работы последнего десятилетия свидетельствуют о новом направлении его научного творчества. Вместе с обобщающими историческими трудами он пишет специальные статьи и монографии, где дается многогранный анализ того или другого выдающегося памятника и связанных с ним историко-художественных вопросов. Этот наиболее трудный и ответственный жанр открывается в 1957 г. статьей «Неизвестный памятник флорентинской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII века». К тому же типу исследований, самое название которых прекрасно раскрывает их методологическую специфику, принадлежит и другая статья — «Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века» (1958). Упомянутые выше монографии о фресках Старой Ладogi и особенно киевских мозаиках дают поистине классические образцы этого рода публикаций. Их удачно дополняют такие методологически важные статьи, как «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий» (1961) или «Древнерусские художники и методы их работы» (1963).

Если взглянуть на список трудов В. Н. Лазарева, то легко можно заметить, что все эти годы он не оставлял занятий итальянским Ренессансом. Последние месяцы, отдыхая на время от своих древнерусских и византийских штудий, он с огромным удовольствием пишет о живописцах Раннего Возрождения. В этом непрерывном ритмическом чередовании научных занятий разными областями истории искусства, в этой удивительной многосторонности состоит первая и самая характернейшая черта всей его творческой биографии. Притом его никак нельзя упрекнуть ни в разбросанности, ни в поверхностности. Стоит поближе познакомиться с его книгами и статьями по византийскому, древнерусскому и итальянскому искусству — и тогда нетрудно уловить глубокую внутреннюю связь этих трех, на первый взгляд столь различных сторон его научной деятельности.

Как византинист он обладает знаниями, без которых невозможны плодотворные исследования древнерусской, южнославянской и кавказской живописи. Изучение же древнерусского искусства позволяет ему правильно понять сложные исторические связи искусства Древней Руси